

пустить в ход зубы. То-то Санни струсит! Он сколько раз говорил, что боится попасть в ад. Наклонившись над Санни, он методично обрызгал его тряпье бензином, следя за тем, чтобы ни одна капля не пролилась на видневшееся в прорехах тело и не пропала зря.

— Много не буду, — решил он, — только чтобы проучить его — и хватит.

Из кармана рубашки он вытащил грязную спичку и обломок коробка, сгреб несколько грязных бумаженок, осторожно чиркнул спичкой и, заслоняя пламя ладонями, поджег бумагу. Потом подхватил горящие бумажки и торопливо набросал их своему дружку на живот.

В первый момент ничего не произошло. Потом вымахнул столб оранжевого пламени. Санни вскопчил, громко вопя и ругаясь, вслед за ним завопили и другие двое, разбуженные опалившим их жаром. Прежде чем малец успел подняться на ноги, Санни уже мчался по улице, не переставая кричать. Слово в дурмане, малец побежал за ним. На людной улице один из прохожих, обомлев от удивления, схватил в охапку Санни, другой — налетевшего на него мальчика.

* * *

Прохладная, тихая комната с высоким красивым потолком. Сюда входят на цыпочках и говорят едва слышным шепотом. Много белых лиц и два-три черных.

С места поднимается белая женщина.

— Ваша честь, сотрудники комиссии по вопросам быта пробовали собрать данные об этом подростке, — сказала она. — Сведения очень отрывочные. Мы отыскиали дом в Орландо, где жила его мать; но она переехала, и, видимо, никто не знает куда. С отцом такая же история.

— Что же вы предлагаете?

— **Отправьте его в приют Виерда, ваша честь.**

Сухое отрывистое чирканье пера по бумаге. Поворот головы в сторону переводчика:

— Скажи этому мальчику, что мы посылаем его в исправительный дом. Скажи ему, что если бы он был старше, то отправился бы в тюрьму: он едва не сжег другого подростка. Скажи ему, что в Виерда его научат читать и писать, он обучится какому-нибудь ремеслу, а когда вырастет, сможет выйти оттуда и стать сознательным гражданином.

Переводчик повернулся к испуганному, растерянному, чисто отмытому подростку. Рассеянно глядя поверх его головы, он повторил ему на языке банту то, что говорил уже десяткам таких ребят: кое-что из того, что сказал судья, а больше — свои собственные наставления.

— У тебя нет ни отца ни матери, мой мальчик. Никого у тебя нет, кроме самого себя. Содержать тебя никто не обязан. В приюте ты узнаешь две вещи: как добывать себе на жизнь честным, но тяжелым трудом или нечестным, но легким. Выбирать тебе придется самому... И да поможет тебе господь, потому что выбор этот сделать трудно!

Заканчивая свою тираду, переводчик уже опять стоял лицом к судье и глядел на него отсутствующим взглядом. Полисмен в форме отвел мальчика в комнату, где уже собралось несколько подростков.

— Еще один кандидат на фабрику бандитов, — на ходу бросил он стоявшему у двери стражнику и вернулся в зал суда.

Перевела с английского
С. МИТИНА

Кровью сердца

АБД АЛЬ-ВАХХАБ АЛЬ-БАЯТИ

Иранский поэт

МЫ ПРИСЛУШИВАЕМСЯ к пению соловьев, но его заглушает зловещий вой управляемых ракет. Мы хотим вдыхать аромат роз, но ветер доносит до нас запах гари от пылающих деревень Алжира, Конго, Кубы, Лаоса. Пепел Хиросимы и Нагасаки стучит в наши сердца. Гибель Патриса Лумумбы и Фараджалла Хелу наполняет нас гневом и скорбью. Нельзя оставаться безмятежным и благодушно спокойным, когда в тюремных застенках томятся Манолис Глезос и Бен Белла, когда в Анголе льется кровь африканцев, когда в Южной Африке миллионы людей связаны по рукам и ногам петлями апартеида.

Сегодня, если ты хочешь быть настоящим писателем, ты должен писать кровью собственного сердца, ты должен четко формулировать свой взгляд на будущее мира, ибо в твоём творчестве должны правдиво воплотиться человеческие надежды, чаяния и стремления.

В истекшем году воображение миллионов потрясли два героических деяния советских людей — космические полеты Юрия Гагарина и Германа Титова.

Я по-настоящему понял причины и движущие силы этих подвигов, когда внимательно прочитал величайший политический документ наших дней — новую Программу КПСС.

Когда я прочел включенный в Программу моральный кодекс советского человека, я понял, что эти нормы поведения определяют всю жизнь таких людей, как Гагарин и Титов, что по ним равняются миллионы рядовых граждан Советского Союза.

Меня могут спросить: какое отношение имеют эти рассуждения к литературе и искусству стран Азии и Африки? Самое прямое и непосредственное.

Ведь писатель любой афро-азиатской страны, которая уже завоевала политическую независимость и борется за то, чтобы выйти на верный путь строительства мирной и счастливой жизни для всех людей, неизбежно должен показать, какие люди могут строить эту новую жизнь, какими человеческими чертами и моральными качествами должны обладать строители новой жизни в странах Азии и Африки.

И в этой области, в области отношений между людьми, в области воспитания нового человека, пример советских людей оказывается для нас самым привлекательным и плодотворным.

Более того, я думаю, что избавить мир от опасности новой войны, от ядерной катастрофы, от язвы колониального рабства сумеют люди всех наций и рас, щедро наделенные теми качествами, которые сформулированы в моральном кодексе новой Программы КПСС, независимо от того, являются они коммунистами или нет.

Этим людям — героям нашего времени, создателям будущего — я хотел бы посвятить все свои новые строки и писать их, как должно настоящему писателю, — огнем души, кровью сердца.